

ПЕРЕМЕНА ИМИДЖА

Николай Коляда — гордость Екатеринбурга

Екатерина Сальникова

Фестиваль

СОГЛАСНО расхожему мнению, Николай Коляда — человек, который сделал карьеру драматурга на чернухе, на демонстрации всевозможной грязи. Фестиваль «Коляда Plays», проходивший недавно в Екатеринбурге, корректирует и даже опровергает сложившееся представление. С наименьшим предубеждением к скандальному (в Москве) «Полонезу Огинского» подошел сам Коляда, поставив его в Академическом театре драмы Екатеринбурга. Это в прямом смысле слова авторское прочтение пьесы погружает зрителя в безбрежный — и красивый — хаос жизни. Захламленное пространство как бы пронизано и переизлучено мерцающим светом новогородных гирлянд. Старинный роуль, на котором обедают, плита, стена с винными этикетками. И всюду книги. Стоя изогнутой вереницей прямо на полу, они образуют бортик-барьерчик. Когда одна из героинь, Мила (В.Белковская), топнет ногой, этот барьерчик накренится, будто по нему, как по клавишам, пробежала чья-то рука. Книжки толкнут импортные «стильные» жестянки и советскую куклу-неваляшку. Все зашевелится и зашумит, как живое. Сценография В. Кравцова основана на чрезмерности, избыточности внешних деталей, каждая из которых пронизана органическим теплом, передает бурлящую эмоциональную энергию героев.

Таня (Т.Малыгина) сыграна как прямое продолжение Раневской из «Вишневого сада» и Бланш из «Трамвая «Желание». Легендарные образы в данном случае не являются поэтически возвышенным контрастом прозаически «низкой» стилистике, в какой вроде бы должна быть подана эта странная, измученная жизнью, не прижившаяся ни в Америке, ни в России женщина.

Таня — эмигрантка в никуда. У нее есть только она сама. Возвращаясь в Россию, попадая в свою бывшую квартиру, она встречает людей, которые тоже не могут вписаться в реальную жизнь.

Спектакль воплощает, скорее, мечту о том, каким должно быть все ужасное и непоправимое в жизни. Катастрофы судеб предстают в идеализованном варианте. Все-таки перед нами дом, где кроме полного развала существует удивительная раскрепощенность. Показано не убогое копошение опустившихся, потерявших себя людей, — показаны страдания тех, кто не способен себя потерять ни при каких обстоятельствах. Ставя спектакль о неприкаянности людей, обладающих повышенной чувствительностью, Коляда поставил пьесу и о неистребимости прекрасного в любой кошмарной жизни.

Полонез Огинского даже в подземном переходе будет звучать томительно печально. Американские игрушки, с которыми так возится Дэвид (В.Величко), всегда останутся средоточием холодноватого остроумия Запада. А новгородные гирлянды могут гореть, не надоедая, крутлый год. Никого не спасая, красота не перестанет сопутствовать персонажам в их бедах. Такая вот щемяще-радужная чернуха.

В спектакле «Мурлин Мурло» драматического театра из Лысьвы героиня вполне осознанно молит о конце света. И ожидание абсолютного конца тем ужаснее, что исходит оно от прелестного чудачества ангела. С.Пермякова создаст героиню, которую назвать «Мурлин Мурло» могли только от зависти. В ней есть некая стихийная, берущаяся ниготкуда, человеческая незаурядность, способность воспринимать себя и окружающий мир в соответствии с универсумом, с некой идеальной системой ценностей. В противном случае просто невозможно мыслить жестокую и беззлобную, скучно захолостную жизнь как существование, недостойное продолжения. Тем более что, при всем своем кричащем не-

совершенстве, окружающие люди вполне нормальны и человечны. Сестра Оли, Инна (Е.Панина), с провинциальным шармом, в драчных колготках, но с очаровательным личиком заgrimированной макиенщицы. Миша (И.Имеров) с трогательно-вульгарными повадками местного донжуана — и прожженного, и по-своему наивного.

У каждого — свой интимный апокалипсис длиною в жизнь. И выразить и пережить его каждому выпадает в одиночку или с немногими близкими людьми. Театр драмы имени Чехова из города Серова поставил пьесу «Канотье» как бы про два параллельных апокалипсиса. Первый — это мистериальный цикл жизни и смерти, необратимость времени и повторяемость ситуаций, что всегда драматично, что невозможно воспринимать философски-отстраненно. Тем более когда сидишь на сценическом вращающемся круге, где и размещены зрительские места.

Рождается безотчетное ощущение собственной беспомощности, зависимости от общего кружения бытия. Но есть и другой образ — катастрофа частного человека, банально несложившаяся судьба героя. Надо иметь особый артистический такт, чтобы сыграть такого героя, не стремясь затмить жанровой эффектностью и профессиональной удалью тягостную душевную дисгармонию. В.Узун наделяет своего персонажа какой-то особой внутренней утомленностью, превращающейся в сосредоточенность, в странную чуткость человека, постоянно погруженного в себя, но не отрешенного от мира. Насупленный и всепрощающий, язвительный и сентиментальный, грубый и ранимый — таким предстает герой «Канотье». И такими увидены вообще персонажи пьес Коляды. Их личные судьбы и человеческие индивидуальности оказываются гораздо важнее безрадостной типологии, делающей героев на инвалидов, сумасшедших, пьяниц, маньяков, закомплексованных бедолаг и душевных уродов.